

СВЕТ ТЕАТРА

Пьеса **Михаила Булгакова «Кабала святош»** после того, как была «рекомендована к постановкам», ставилась множество раз на подмостках столичных и провинциальных. Очень важной была во все времена горчайшая для писателя тема художника и власти, что душит и физически истребляет творца, пользуясь для этого всеми возможными и невозможными средствами. Одним из самых пронзительных спектаклей по этой великой пьесе (спектакль назывался «Мольер») мне довелось много раз видеть в Московском театре на Юго-Западе — именно в нем сыграл свою первую звездную роль Виктор Авилов, а после его ухода из жизни Валерий Белякович, режиссер этого уникального театрального действия, сыгравший впервые роль французского драматурга в дипломном спектакле. И всякий раз в финале, когда умирал в полутьме Мольер, а мимо него проходил Лагранж со словами: «Кто еще остался в театре после спектакля?..», — комок подступал к горлу и слезы лились из глаз от ощущения отчаяния, неизбежности этой неравной борьбы творца и бездушной машины власти...

Да и на спектаклях других театров, действующих менее эмоционально, оставалось тревожное чувство безнадежности: так было, так есть и так будет всегда...

Наверное, это — одна из причуд нашей отечественной истории (хотя и не ее одной) или, если воспользоваться модным определением, ментальности: все великое, чему впоследствии будет по праву присвоено звание гордости мировой культуры, создается в противостоянии, под уничтожающим гнетом, под грузом ожидания запрета на творчество или тюремного заключения, если не гибели, как бывало это не раз на протяжении десятилетий в нашей истории.

А когда замыкается свобода творчества, как говорится в мудрой поговорке, и изба стала пониже, и дым пожже.

Закон природы или общественных отношений? И только ли в нашей стране? Или это мы воспринимаем все более обостренно, потому что родились и живем здесь?..

Нет, кажется, ответа на эти риторические вопросы.

Но вот к «Кабале святош» обратился **Московский театр «Сфера»**. Поставил спектакль **Александр Коршунов** (он же сыграл роль Мольера), изысканно и изобретательно оформила его и стала автором прекрасных костюмов сценограф **Ольга Коршунова**, музыкальное оформление создал **Павел Герасимов**, и неожиданно одна из любимейших пьес прочиталась во многом по-новому, потому что режиссеру удалось обрести в «Кабале святош» свою тему: да, конечно, никуда не ушло и не стерлось противостояние художника и власти, мотив необходимой преувеличенной лести (замечателен эпизод, когда Мольер читает королю свой экспромт и низко склоняется в конце, подметая шляпой подмостки!), все расшаркивания и поклоны, поцелуй монет, поднесенных от имени короля после спектакля и т.д. Но вся игра в «кошки-мышки», которой искренне увлечен и молодой, умный и ироничный король Людовик (превосходно сыгранный **Анатолием Смираниным**) до той поры, пока не осознает, что его правление должно быть безоблачно, он не случайно назван Солнцем, а вот скандальная женитьба Мольера — серьезный «подвох», становится в спектакле не более, чем необходимой, неотменимой и заданной составляющей того, что именуется государственностью. С неизбежностью бороться, как известно, бессмысленно. А тем более бессмысленно, что есть не-

Жан Батист Мольер – А. Коршунов

что высшее, и этим высшим Александр Коршунов, ни в чем не отступая от Михаила Булгакова, видит Театр, на службу которому отдана вся жизнь, все силы таланта, ума, души...

Еще одна очень важная деталь – во время примирения с Армандой (очень хороша в этой роли **Евгения Казарина**) после ее измены и изгнания Муаррона (выразительно играет **Даниил Толстых**) Мольер начинает собирать раскиданные по комнате листки новой пьесы и вдруг зачитывается одной из страниц настолько, что не замечает, как уходит оскорбленная его невниманием Арманда – взгляд драматурга прикован к находящемуся на возвышении занавесу, который медленно словно наливается светом изнутри.

Таких выразительных, содержательных деталей в спектакле множество, и они заставляют напряженно следить не только за персонажами и сюжетом, но за этими тонкими и глубокими «намекми»: например, когда король приглашает Мольера к ужину и «отщипывает» ему кусочек цыпленка со своей тарелки – поддача с барского плеча... Или абсолютно «театральная», игровая реакция короля на слово отца Варфоломея (**Олег Алексеенко**) «требуем», в ней нет гнева, есть только изумление... Или когда в сочиненной Коршуновым интермедии артисты труппы господина де Мольера бродят по комнате с листочками ролей, а Муаррон в это время с вождением смотрит на Арманду. Это смущает ее, заставляет оттолкнуть от себя лис-

Арманда Бежар – Е. Казарина, Жан Батист Мольер – А. Коршунов

ток с текстом роли, который дает ей Мольер, словно Арманда уже знает, что не сможет противостоять страсти молодого красивого артиста. И тогда сцена измены обретает как будто предшествующую историю: все произошло не вдруг, она отнюдь не легкомысленная девчонка, она пыталась сопротивляться, но ничего не вышло, а потому требование Арманды вернуть Муаррона в труппу продиктовано не столько боязнью, что по Парижу расползется сплетня, сколько охватившей ее страстью...

Александр Коршунов для каждого из своих артистов точно выстроил внутреннюю линию существования, взаимоотношений, скрытых и явных «пристроек»: они существуют органично, не упуская из виду малейших деталей

состояния в тот или иной момент. Это можно сказать и о **Дмитрии Новикове** (Лагранж), и о **Павле Степанове** (Бутон), и о **Сергее Рудзевиче** (Архиепископ), и о **Денисе Бересневе** (Справедливый Сапожник), и о таких небольших ролях, как у **Валентины Абрамовой** (Риваль), у **Дмитрия Бероева** (де Лессак), но вот, к сожалению, **Александр Пацевич** («Одноглазый, помолись!») играет на одной интонации, чисто внешне, и это часто мешает восприятию. Что касается труднейшей роли Мадлены Бежар, **Татьяна Филатова** в первой части порой огрубляет образ – женщина, столь вульгарно хохочущая и «вольно» себя ведущая, вряд ли может стать на двадцать лет ближайшим другом и советчицей Мольера. Обнадежи-

Людвик Великий – А. Смиранин, Маркиз де Шаррон – С. Рудзевич

вает то, что во второй части актриса более убедительна и сцена покаяния сыграна ею просто и сильно; хочется надеяться, что со временем выровняется и первая часть.

Что же касается Александра Коршунова в роли Мольера, он – безукоризнен во всех оттенках взаимоотношений, во всех проявлениях: от страсти к молодой женщине, от громкого гнева на Бутона, на Муаррона, на Арманду, до угождения королю, до тоски по умершей Мадлене, до почти животного страха перед Одноглазым. Причем особенную значимость приобретает тот факт, что для его героя нет и быть не может ничего важнее Театра; драматург, режиссер, артист, он отдал этому высокому служению все. И смерть на сцене – не случай-

на, а совершенно закономерна для такого человека, только в спектакле «Кабала святош» она приобретает оттенок не мрачный, а светлый.

Умерший Мольер внезапно садится на свое ложе и смотрит просветленным взглядом в ту сторону, где висит занавес, откуда он с пафосом и нескрываемой лестью читал свой экспромт Людовику. Медленно со всех сторон подходят артисты его труппы, они тоже смотрят туда, и – занавес вновь словно изнутри наливается светом.

Тем самым светом, что освещает жизнь творца...

*Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ
Фото Сергея ОМШЕНЕЦКОГО*